

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2026. Т. 9, № 1. С. 287–301.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2026. Vol. 9, no. 1. P. 287–301.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2026-9-1-287-301

ПИСЬМА К ЖЕНЕ КАК ЖАНР (А. П. ЧЕХОВ, С. Л. ФРАНК)

Алексей Алексеевич Гапоненков

Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия, gaпонenkova@sgu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

Игорь Сергеевич Москвичев

Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия, moskvichev_igor@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-2417-9389>

Автор, ответственный за переписку: Алексей Алексеевич Гапоненков

Аннотация. Антон Павлович Чехов и Семен Людвигович Франк — писатель и философ — оставили после себя богатейший эпистолярный. Их многое разделяет (сфера творчества, разница в возрасте — 17 лет). Молодой Франк лишь кратко встречался с Чеховым в Ялте осенью 1901 года, опубликовал некролог «Памяти А. П. Чехова» в журнале «Освобождение» (1904, № 52, 19 июля), когда лишь начинал заниматься философией. Сближает их наличие сохранившихся собраний писем к жене. Чехов с юных лет увлекался театром, был врачом и писал небольшие рассказы, повести, пьесы; женился уже в зрелом возрасте, будучи неизлечимо больным человеком. В браке прожил 3 года. Детей у него не было. Франк с 1908 года состоял в браке, который продлился до самой его смерти в 1950 году. Таким образом, стаж его семейной жизни составил 42 года. В браке родилось четверо детей (Виктор, Алексей, Наталья, Василий). Несмотря на разницу их увлечений и событий жизни, можно выделить общую основу: христианское мировоззрение и отношение к браку. В статье исследуются жанровые особенности писем к жене на примере корреспонденций Чехова и Франка.

Ключевые слова: жанр, письма к жене, эпистолярный, А. П. Чехов и О. Л. Книппер, С. Л. Франк и Т. С. Франк, семья, брак, любовь, христианская жизнь

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-00974).

Ссылка для цитирования: Гапоненков А. А., Москвичев И. С. Письма к жене как жанр (А. П. Чехов, С. Л. Франк) // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2026. Т. 9, № 1. С. 287–301. doi:10.17323/2658-5413-2026-9-1-287-301.

Memory of Culture

LETTERS TO THE WIFE AS A GENRE (A. P. CHEKHOV, S. L. FRANK)

Alexey A. Gaponenkov

Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky,
Saratov, Russia, gaponenkovaa@sgu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

Igor S. Moskvichev

Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky,
Saratov, Russia, moskvichev_igor@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-2417-9389>

Corresponding author: Alexey A. Gaponenkov

Abstract. Anton Pavlovich Chekhov and Semyon Ludvigovich Frank, a writer and philosopher, left behind a rich epistolary collection. They are separated by many things (their creative fields, the age difference of 17 years). Young Frank only briefly met Chekhov in Yalta in the autumn of 1901, and published an obituary “In Memory of A. P. Chekhov” in the magazine “Liberation” (1904, no. 52, July 19), when he was just beginning to study philosophy. What brings them together is the presence of a preserved corpus of letters to their wives. Chekhov was fond of theater from a young age, was a doctor and wrote short stories, novellas, plays, and married in adulthood, being a terminally ill man. He lived in marriage for 3 years. He had no children. Frank was married since 1908, and the marriage lasted until his death in 1950. Thus, his family life span is 42 years. Four children were born in the marriage (Victor, Alexey, Natalya, Vasily). Despite the differences in their hobbies and life events, one can identify a common basis: a Christian worldview and attitude to marriage. The article examines the genre features of letters to his wife using the example of correspondence between Chekhov and Frank.

Keywords: genre, letters to wife, epistolary, A. P. Chekhov and O. L. Knipper, S. L. Frank and T. S. Frank, family, marriage, love, Christian life

Acknowledgments. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 25-28-00974).

For citation: Gaponenkov, A. A., Moskvichev, I. S. (2026) “Letters to the Wife as a Genre (A. P. Chekhov, S. L. Frank)”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 9(1), pp. 287–301. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2026-9-1-287-301.

Впервые тема писем к жене как отдельного жанра, выросшего из «дружеского письма» с его непринужденностью, возникает в связи с изучением литературного наследия А. С. Пушкина [Левкович, 1987, с. 87]. И хотя его послания к супруге составляют небольшую часть прозаического творчества, поэт серьезно подходил к их написанию и точности выражения, не менее тщательно, чем к созданию художественных произведений: «События из жизни, бытовые факты, мелочи, жанровые сценки, анекдоты вставлены здесь в оправу стиля непринужденного домашнего разговора» [Левкович, 1988, с. 294]. Это и «своеобразный дневник» с отчетами за день, и «история души» поэта, и история «домашним образом». Сам жанр письма, необыкновенно свободный, дает адресанту возможность применить целую палитру стилистических средств, эмоциональных выражений.

Исследование эпистолярия русских писателей, критиков, ученых позволяет сформировать целостную картину мира человека, понять, чем он живет, как устроен его быт, каков его распорядок дня, в каких местах он пребывает. В корреспонденциях можно увидеть ход мысли, отношение к происходящим событиям и явлениям, признания, моменты творческой истории произведений. Чаще всего именно в письмах к жене сообщалось об интимных сторонах жизни, семейных испытаниях, поскольку автор доверял адресату и, очевидно, не предполагал, что когда-то корреспонденции будут обнародованы. Публикация писем в большинстве случаев была посмертной. Для их авторов этическая сторона вопроса была уже не актуальной, ибо мертвые сраму не имут. Для исследователей же семейный эпистолярый открывает широкие возможности его изучения и служит делу развития науки, высвечивает личность не только автора, но и адресата.

Письмо как жанр может быть использовано в качестве художественной формы («Страдания юного Вертера» И. В. Гёте, «Роман в письмах» А. С. Пушкина, «Бедные люди» Ф. М. Достоевского, «Письма к тетеньке» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Ванька» А. П. Чехова и др.). Больше того, Ю. И. Айхенвальд писал, что «письма Чехова похожи на его рассказы: от них трудно оторваться» [Айхенвальд, 1915, с. 5]. И внутри «почтовой прозы» просматриваются различные жанры. На примере эпистолярного наследия Чехова выделяют деловые письма, письма-беседы, письма-дневники, письма-отзывы, письма-юморески,

краткие письма-информации [Малахова, 1974, с. 314–320]. По личности адресата обозначим его письма к жене, включающие многие жанровые элементы из разных корреспонденций. Э. А. Полоцкая увидела в письмах писателя к О. Л. Книппер еще и драматизм (отдельные черты драмы), особую психологию, способность говорить в «тоне» и «духе» адресата, игру, шутки, призыв к молчанию, терпению, «эпистолярный пейзаж», диалоги о погоде, «трагическую несогласованность», особенно в последние годы жизни [Полоцкая, 2000, с. 63–98].

Авторитетно для нас мнение А. П. Кузичевой: «В эпистолярном романе Чехова и Книппер — свой сюжет, свои главные и второстепенные персонажи, лирические отступления, подтекст. Но постепенно фразы все более походили на реплики и ремарки, превращая переписку в своеобразную *пьесу жизни*. (...) Чехов писал ей о *своей* любви. Она — о любви *к себе*» [Кузичева, 2024, с. 740–741].

Христианское воспитание Чехова строилось благодаря его религиозному и подчас деспотичному отцу — Павлу Егоровичу. Известные изречения Чехова из писем, что у него «теперь нет религии», не ставят точку в вопросе о религиозности писателя. Его брат — Александр Павлович — свидетельствовал, что Антон ни одной пасхальной ночи не провел в постели, а его художественное наследие подтверждает, что автор был хорошо научен в вопросах веры.

Франк — еврей, православный с 1912 года, в своей семье воспитывался на основе Ветхого Завета. Обывателю может показаться, что у писателя и философа различные мировоззренческие истоки. Однако отметим, что Ветхий и Новый Заветы, на которых росли Франк и Чехов, составляют одну книгу — Библию. Главная новозаветная заповедь о любви была впервые произнесена в Ветхом Завете (Лев. 19:18), отрицание его значения осуждено как ересь маркионитов, а общецерковной формулы о соотношении Ветхого и Нового Заветов не существует. Поэтому основу, на которой формировалось мировоззрение Чехова и Франка, следует сегодня считать общей.

Идеи о том, как должна быть устроена семейная жизнь, тоже имеют много сходного в обеих частях Библии. Разной остается историческая ситуация, в которой проходили жизни Чехова и Франка, сферы творческих приложений их сил.

Переписка Чехова со своей возлюбленной и супругой, актрисой Ольгой Леонардовной Книппер, началась в середине 1898 года и продлилась шесть лет. Более 400 писем и телеграмм, обращенных к ней, составляют самую большую часть эпистолярия Чехова. Много писем он направлял еще до официального брака, поэтому они не относятся строго к исследуемому жанру. Однако для нас важен сам переход от *писем к возлюбленной к супружеским посланиям*, от неуверенного тона к весьма определенному и властному в силу иерархичности

семейных отношений. Сегодня вторые воспринимаются как непосредственные продолжения первого, сливаясь в единый эпистолярный комплекс. Обращения к жене более прямолинейны и насыщены большими бытовыми подробностями реальной жизни мужа вдалеке от супруги. Общими их делает жанровая память «первичного» любовно-дружеского непосредственного разговора.

Письма Семена Людвиговича к невесте Татьяне Барцевой, проживавшей в Саратове, появляются с 1906 года. К сожалению, они были утрачены в 1930-х годах. В настоящее время основная часть писем Франка к жене Татьяне Сергеевне Франк, начиная с 1923 до 1938 года, хранится в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына. В рамках настоящей статьи рассмотрим лишь несколько корреспонденций к жене и Чехова, и Франка.

На протяжении всего семейного эпистолярия проявлены любовные, нескрываемые, глубокие чувства, интонации, в которых прослеживается внимательное и доброе отношение к супруге, семейный юмор, выраженный в шуточных обращениях к жене. Это относится в равной степени и к Чехову, и к Франку.

* * *

Приведем письмо Чехова Ольге Книппер, написанное 16 июня 1899 года из Мелихово, после ее посещения усадьбы и отъезда на Кавказ:

Что же это значит? Где Вы? Вы так упорно не шлете о себе вестей, что мы совершенно теряемся в догадках и уже начинаем думать, что Вы забыли нас и вышли на Кавказе замуж. Если в самом деле Вы вышли, то за кого? Не решили ли Вы оставить сцену? Автор забыт — о, как это ужасно, как жестоко, как вероломно!

Все шлют Вам привет. Нового ничего нет. И мух даже нет. Ничего у нас нет. Даже телята не кусаются. Я хотел тогда проводить Вас на вокзал, но, к счастью, помешал дождь. Был в Петербурге, снимался в двух фотографиях. Едва не замерз там. В Ялту поеду не раньше начала июля. С Вашего позволения, крепко жму Вам руку и желаю всего хорошего.

Ваш А. Чехов

[Переписка ... , 2004, т. 1, с. 29]

Почтительный тон письма, желание узнать о том, как сложилась судьба его возлюбленной после отъезда, хорошо заметны. Имеются и опасения Чехова в том, что общение вовсе может прекратиться из-за увлечения новым человеком, возможно, женихом. Именно поэтому фраза «уже начинаем думать,

что Вы забыли нас и вышли на Кавказе замуж» сказана полушутя-полусерьезно. Чехову дорого внимание Книппер. Он рассказывает о себе, призывая ее к диалогу. Он выказывает некоторую неуверенность, свойственную для первого этапа отношений. Об этом говорит окончание письма: «С Вашего позволения, крепко жму Вам руку и желаю всего хорошего».

Общеизвестно, что Чехов неплохо знал Библию, а некоторое время увлекался Книгой Екклесиаста, автором которой был царь Соломон. В другой его книге — Песнь песней — запечатлена любовь юноши и девушки, диалогу между возлюбленными уделяется значительное внимание. Библейская параллель показывает, что Чехов ценил в человеке не внешние достоинства, а внутреннее содержание. Трепетное чувство, которое мы видим и здесь, и в других письмах, адресовано именно внутреннему человеку. О внешности и ее переменчивости Чехов писал следующее: «Ты седеешь и стареешь? Это от дурного характера, оттого, что не ценишь и недостаточно любишь своего мужа» [Переписка ... , 2004, т. 2, с. 23]. Это письмо писателя Ольге Леонардовне от 29 августа 1902 года, когда они уже поженились. Не лесть, а искренность отличала взгляды Чехова по отношению к людям. Супруга здесь не была исключением. Однако искренность шла в одной упряжке с любовью — основой христианской жизни, и в частности семейной.

Тон писем меняется и дистанция между автором и адресатом сокращается по мере углубления взаимопонимания и увеличивающегося доверия в паре. Письмо от 1 марта 1901 года из Ялты, написанное менее чем за полгода до венчания, примечательно использованием уменьшительно-ласкательных (диминутивных) прозвищ и шутливых выражений:

Милая моя, не читай газет, не читай вовсе, а то ты у меня совсем зачахнешь. Впредь тебе наука: слушайся старца иеромонаха. Я ведь говорил, уверял, что в Петербурге будет неладно, — надо было слушать. Как бы ни было, ваш театр никогда больше в Питер не поедет — и слава Богу.

Я лично совсем бросаю театр, никогда больше для театра писать не буду. Для театра можно писать в Германии, в Швеции, даже в Испании, но не в России, где театральные авторы не уважают, лягают их копытами и не прощают им успеха и неуспеха. Тебя бранят теперь первый раз в жизни, оттого ты так и чувствительна, со временем же обойдется, привыкнешь. Но, воображаю, как дивно, как чудесно чувствует себя Санин! Вероятно, все рецензии таскает в карманах, высоко, высоко поднимает брови...

А тут замечательная погода, тепло, солнце, абрикосы и миндаль в цвету... На Страстной я жду тебя, моя бедная обруганная актриска, жду и жду, это имей в виду.

Я послал тебе в феврале с 20 по 28-е пять писем и три телеграммы; просил тебя телеграфировать мне, но — ни слова в ответ. От Яворской я получил телеграмму по поводу «Дяди Вани».

Напиши, до какого дня вы все будете в Питере. Напиши, актриска.

Я здоров — честное слово.

Обнимаю.

Твой иеромонах

[Переписка ... , 2004, т. 1, с. 152]

Здесь выражены переживания Чехова о Книппер, но вместе с тем по тону письма понятно, что у них близкая личная связь. Он знает, что невеста ранима, что она тяжело переносит критику, и пытается ее утешить, говоря, что со временем все обойдется и «привыкнешь». При этом чеховский юмор уместен и при обсуждении такой серьезной неудачи. Он сообщает, что очень ждет («жду и жду») «бедную поруганную актриску». В свою очередь себя он дважды именуется иеромонахом — монашествующим священником. Проявление церковного юмора характерно для человека, хорошо знающего устройство церкви изнутри. Придумывание подобных прозвищ — обычное дело для учащихся духовных учебных заведений. Встречались «иеромонах», «игумен», «архимандрит» и даже «патриарх».

Чехов в начале именуется старцем иеромонахом. Возможно, это тоже часть церковного юмора — старцами называли друг друга выпускники духовных академий. Но вероятнее все же то, что здесь Чехов обнаруживает свое главенствующее положение в паре. Это соответствует библейским представлениям об устройстве христианской семьи: «Жене глава — муж» (1 Кор. 11:3).

Использование притяжательных местоимений говорит о близости и желании поддержать свою невесту в трудную минуту. Как и в прошлом письме, Чехов сообщает о своих новостях, что свидетельствует о доверии и желании диалога с Ольгой Леонардовной. Отметим также, что в этом письме прямо сказано «обнимаю» без сомнений или разрешений.

Наконец, после венчания Чехова и Книппер в мае 1901 года (которой пришлось обратиться за разрешением в свою церковь — лютеранскую), мы видим в письмах еще более доверительное общение. Так, 3 сентября 1901 года Чехов пишет:

Олька, милая, здравствуй! Вчера я не писал тебе, потому что, во-первых, было много гостей и, во-вторых, некогда было, сидел и писал рассказ, когда уходили гости.

Спасибо тебе, моя радость, мать очень обрадовалась твоему письму; прочла и потом дала мне, чтобы я прочитал ей вслух, и долго хвалила тебя. То, что ты пишешь о своей ревности, быть может, и основательно, но ты такая умница, сердце у тебя такое хорошее, что все это, что ты пишешь о своей якобы ревности, как-то не вяжется с твоею личностью. Ты пишешь, что Маша никогда не привыкнет к тебе и проч. и проч. Какой все это вздор! Ты все преувеличиваешь, думаешь глупости, и я боюсь, что, чего доброго, ты будешь ссориться с Машей. Я тебе вот что скажу: потерпи и помолчи только один год, только один год, и потом для тебя все станет ясно. Что бы тебе ни говорили, что бы тебе ни казалось, ты молчи и молчи. Для тех, кто женился и вышел замуж, в этом непротвении в первое время скрываются все удобства жизни. Послушайся, дуся, будь умницей!

[Переписка ... , 2004, т. 1, с. 200]

В этом письме присутствуют эмоциональные обращения, подчеркивающие трогательное отношение к супруге: «Олька», «моя радость», «ты такая умница», «дуся». При этом также обнаруживаются и христианские мотивы: утешая супругу, Чехов говорит о непротвении. Об этом было сказано в Нагорной проповеди, когда Христос учил подставлять вторую щеку, об этом говорит апостол Павел, что должно побеждать зло добром (Рим. 12:21).

На наш взгляд, характерным является окончание данного письма:

Целую и обнимаю мою старушку. Да хранит тебя Бог. Еще немножко — и мы увидимся. Пиши, пиши, дуся, пиши! Кроме тебя, я уже никого не буду любить, ни одной женщины.

Будь здорова и весела!

Твой муж Антон

[Переписка ... , 2004, т. 1, с. 201]

Добрый и снисходительный тон этих строк свидетельствует о большой любви Чехова к супруге. О том, что других женщин для него теперь не существует, он сообщает почти словами из Библии, что двое станут одним целым («одной плотью», Мф. 19:5).

Художественный дар Чехова довлел над всем, не исключение и его семейная жизнь. Биограф Чехова подметила, что писатель, «даже на людях, оставался наедине со своими мыслями. Эту глубоко скрытую внутреннюю жизнь не приоткрывали ни его дневниковые записи, ни письма. В том числе и письма к Книппер. Они передавали лишь настроение. И, наверно, оно угадывалось не

столько в словах, сколько в умолчаниях. В том, что он упоминал, но не пояснял» [Кузичева, 2024, с. 680].

* * *

В качестве писем Франка рассмотрим фрагменты его переписки с супругой 1923 года. К этому времени Семен Людвигович и Татьяна Сергеевна состояли в браке уже 15 лет. Вот фрагмент письма от 21 августа из Прерова:

Родная моя, вчера получил 2 твоих письма — днем, на к(ото)рое ответил припиской на вчерашней открытке, и вечером, со многими вложениями. Писать нужно о многом, но утром я занимаюсь, только выбрался выкупаться и пишу тебе эти строки (...). Прежде всего, поздравляю моего дорогого и почтенного папуаса с выдержанным экзаменом; спасибо, что не посрамил старика-отца. За это ему должен быть подарок¹. Теперь, другое существенное: прошу тебя не экономить сверх меры и себя не лишать ничего существенного. Мой принцип всегда один: без лишнего прожить можно, и счастья оно не прибавит, но беспокоиться о деньгах и дрожать над ними нелепо, и все, что существенно для жизни, без колебаний расходовать.

(АС ДРЗ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3)

Франк проявляет заботу и о супруге, и о детях, дает советы о том, как поступать впредь, и не укоряет за неправильные поступки. Это то, что характерно для семейного разговора, без присутствия посторонних.

Мы видим, как в их семье решается денежный вопрос. Супруг позволяет Татьяне тратить столько, сколько потребуется, что показывает христианское — правильное — отношение к ценностям: по-настоящему ценен человек, а деньги и прочие блага призваны к тому, чтобы обеспечивать жизнь, а не служить объектом поклонения. Одна из характерных черт частной переписки — подробное обсуждение бытовых вопросов и выработка правил относительно того, «как это принято» в семье.

Прочитируем в качестве примера еще одно письмо от 21 августа (вечером) 1923 года из Прерова. Находясь за пределами России, в Германии, на отдыхе, Франк пишет:

Родная моя, сегодня утром написал тебе открытку, а сейчас вечером перед сном сажусь писать. Как ни странно, но для больших писем и здесь не нахожу

¹ Имеется в виду средний сын — Алексей Франк.

времени, и ряд писем все откладываю. Утром пишу 2 ½ часа, потом иду купаться, после обеда сплю, потом большая прогулка по лесу, прихожу утомленный, после ужина пью чай у Бердяевых и хочется перед сном почитать немножко. (...) А ты, бедная, скучаешь по вечерам? Отчего ты не запишешься в библиотеку — пусть Витюша берет для тебя тоже книгу. Я здесь перечитываю на сон грядущий Лескова — дивное чтение. Витюше я советую взять «Соборяне» Лескова и читать вслух детям, это такая чудесная вещь, и так веет родиной, и такие сочные русские типы, которые и Алешеньке понравятся.

(АС ДРЗ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5)

Перед нами константные признаки жанра писем к жене: обстоятельное описание распорядка дня, ласковое обращение к супруге, выражение интереса к жизни детей и подача житейских советов. Основа этого — любовь, на которой строятся отношения между двумя людьми. Отметим, что Франк неспроста подробно сообщает бытовые подробности своей жизни. Это важная часть писем позволяет установить эмоциональную связь на расстоянии. В данном случае корреспонденции помогают «оживить» чувства и вообразить жизнь близкого человека. Автор письма дает совет, как детям не потерять связь с Россией: приобщиться к семейному чтению романа Н. С. Лескова «Соборяне». Философ и сам испытывает потребность сохранить чувство родины на чужбине.

Для Франка именно в семье жизнь обретает смысл: «...как ни тесно нам, и как ни устаешь от шума большой семьи, а жить можно только вместе, только тогда жизнь имеет смысл» (21 августа 1923, Преров (АС ДРЗ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 4 об.)). То, что в своей философии Франк пишет о единстве и отдельности в социальной жизни, на уровне евангельских смыслов сводится к соединению душ любящих в одну единственную душу: «Как же ты себя чувствуешь, родная моя? Я вчера ясно почувствовал, что мы действительно одна душа, и можем спастись лишь вместе. Горячо обнимаю тебя, любимая моя, будь спокойна, вместе мы не погибнем» (29 августа 1923, Преров (АС ДРЗ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 11)). Религиозные мотивы постоянно присутствуют в обращениях Франка к жене.

В письмах последующих лет все эти характерные черты семейной переписки сохраняются. В качестве подтверждения приведем письмо Франка от 10 марта 1928 года:

Ревель, 10. III. 28. Родная моя, посылаю еще вид Риги, т(ак) к(ак) здесь не успел купить открытки. Вчера был на собрании «делового комитета» кружков — все барышни — а потом читал вторую немецк(ую) лекцию, почти экспромтом, т(ак) к(ак) не было времени особенно готовиться. Было мало народу,

и т(ак) к(ак) я критиковал социализм, то немцы остались страшно довольны, они здесь чувствуют революцию по-русски. Вечером сидел у Энгельгарда с довольно туповатыми здешними немцами. Теперь остались русские лекции, что уже пустяки. Сегодня иду с барышнями смотреть парк и променаду у моря, в 5 ч. у Веревкиных, а вечером лекция. Получил письмо и корректуру, к(ото)рую уже отсылаю. Угнетает меня отсутствие прислуги, и твоя усталость. Не дожидайся этой дуры, найми скорее кого-нибудь. Целую, обнимаю тебя и детей. Здесь я сплю хуже, т(ак) к(ак) в комнате три окна, светло.

Твой С.

(АС ДРЗ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1)

Франк не мог спать в помещении, куда просачивался свет, поэтому спал обычно с черной повязкой для глаз и завешивал окна на ночь.

Беспокойство о физическом состоянии супруги представляется наиболее важным, постоянным². Автор использует эмоционально резко окрашенную лексику по отношению к прислуге: «Не дожидайся этой дуры», что подчеркивает личный и доверительный характер письма. Незадолго до этого он писал: «Ради Бога, прошу тебя, найми поденщицу, не упрямясь» (7 марта 1928, Рига (АС ДРЗ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 10 об.)).

Проявление заботы и любви к своему семейству содержится в словах «Целую, обнимаю тебя и детей», а также в подписи «Твой С.», которой заканчиваются письма к супруге разных лет. Использование сокращенной формы имени является признаком глубокого доверия и выражением эмоционального настроения в паре.

Франк напоминал жене о совместно хранимых в памяти датах. Вот фрагмент его письма от 4 июля 1928 года из Дрездена:

...завтра день нашего 20-летия, тебе наверно будет грустно, что ты совсем одна. Не горюй, родная, — как ни мало я тебе даю, но может быть тебе дает удовлетворение сознание, что я всей душой чувствую, что на мою долю выпало счастье иметь женой такого дивного по душевным свойствам человека, как ты. Это не фраза, я чувствую это всей душой. Я не только люблю тебя теперь через 20 лет, гораздо глубже, чем 20 лет тому назад, я просто религиозно преклоняюсь перед тобой. И если брак имеет мистическое значение, и там, на небе, мы будем отвечать *сообща*, то я верю, что твоя любовь и деятельная доброта перед

² Ср.: «Не горюй, как-нибудь справимся. Главное тебе быть здоровой» (27 октября 1926, Париж (АС ДРЗ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 25 об.)).

престолом Божиим искупят мою черствость и все мои грехи, и ты будешь *там* такую же спасительницей, как и здесь.

(АС ДРЗ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 22 об.)

Это проявление религиозности Франка в отношениях «я — ты» и «мы — Ты», мистическое понимание совместной ответственности перед «престолом Божиим». Речь идет о двадцатилетии бракосочетания Семена Людвиговича и Татьяны Сергеевны в лютеранской кирхе в Саратове — 5 июля (22 июня по старому стилю) 1908 года.

Обращение к Богу в письмах Франка жене постоянны и естественны в их общении: «Поживем, увидим, и Бог нас не оставит. (...) Обнимаю тебя горячо, моя родная и единственная. Слава Богу, у нас любовь есть, а где любовь, там и Бог, и Бог нас не оставит» (12 февраля 1926, Париж (АС ДРЗ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 7 об.)). Семен Людвигович молился за свою семью, подавал о здравии за всех ее членов. Наставлял жену: «...дети начинают жить своей самостоятельной жизнью — а всякая жизнь полна риска. Навсегда под свое крылышко их не упрячешь. Тут надо раз навсегда *смириться*, помогать детям советом и чем можешь, а затем предоставить их самим себе и покровительству Божию» (1930, без точной даты (АС ДРЗ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 35)).

* * *

В упомянутых письмах Чехова и Франка женам постепенно раскрываются и развиваются близкие отношения любящих, происходит их физическое, эмоциональное, духовное сближение. Это хорошо заметно на примере посланий, написанных в разные годы. Вместе с тем в письмах мы находим обсуждение бытовых вопросов, проблем, связанных с повседневной жизнью семьи, подачу советов и рассказ о семейных традициях. Заходит также речь о будущем в контексте совместной жизни.

Все это характерно для жанра писем к жене, к самому близкому человеку. На примере этих корреспонденций обнаруживается христианское отношение к браку, которое строится на понятиях семейной иерархии, заботе, поддержке и любви. Франк писал письма жене как краткие отчеты о прошедшем дне и намечаемых планах на день грядущий, в быстроте передвижений, как «кинематографические новости». У него мало фигур умолчания, много религиозных признаний.

Чехову важно передать свое настроение, его письма художественно прекрасны, «в обиходе душевных будней» [Айхенвальд, 1915, с. 5] полны игры, шуток, умолчаний, трагизма от собственной болезни.

Франк все время думает о своих детях, постоянно ведя диалог о них с Татьяной Сергеевной³. Для Чехова мать и сестра, Евгения Яковлевна и Мария Павловна, не менее значимы в его повседневной жизни, чем супруга.

Понятие «жена» в исследуемом жанре писем — доминирующее. Супруга рассматривается не как обязательное приложение к мужу «по статусу», а как объект любви, партнер по дальнейшей жизни. Когда приходит время, «оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей и будут двое одна плоть» (Еф. 5:31). Возможно, такое осознание супружества объясняется не только воспитанием, но и возрастом — Чехов и Франк вступили в брак, когда им было уже за 30. Это время, когда в человеке пропадает импульсивность, свойственная молодому человеку. Их письма к жене являются наглядным примером гармонично выстроенных отношений, которые помогают преодолевать семейные трудности.

Список источников

Айхенвальд Ю. Письма Чехова. М.: Космос, 1915. 36 с.

Кузичева А. Чехов. Жизнь «отдельного человека». М.: Молодая гвардия, 2024. 847 с.

Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988. 328 с.

Левкович Я. Л. Письма Пушкина к жене // Пушкин А. С. Письма к жене / изд. подг. Я. Л. Левкович. Л.: Наука, 1987. С. 87–107.

Малахова А. М. Поэтика эпистолярного жанра // В творческой лаборатории Чехова. М.: Наука, 1974. С. 310–328.

Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер: в 2 т. / сост. и коммент. З. П. Удальцовой. М.: Искусство, 2004.

Полоцкая Э. А. О поэтике Чехова. М.: Наследие, 2000. 238 с.

Архивы

АС ДРЗ — Архивное собрание Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

References

Aikhenval'd, Yu. (1915) *Pis'ma Chekhova* [*Chekhov's Letters*]. Moscow: Kosmos.

Kuzicheva, A. (2024) *Chekhov. Zhizn' "otdel'nogo cheloveka"* [*Chekhov. The Life of a "Separate Man"*]. Moscow: Molodaya gvardiya [Young Guard].

³ Ср.: «Невыразимо прекрасны письма к детям и о детях, которых так любил Чехов-человек и Чехов-писатель» [Айхенвальд, 1915, с. 16].

Levkovich, Ya. L. (1987) “Pis'ma Pushkina k zhene” [“Pushkin’s Letters to His Wife”], in Pushkin, A. S. *Pis'ma k zhene [Letters to Wife]*. Publication prepared by Ya. L. Levkovich. Leningrad: Nauka Publ., pp. 87–107.

Levkovich, Ya. L. (1988) *Avtobiograficheskaya proza i pis'ma Pushkina [Pushkin’s Autobiographical Prose and Letters]*. Leningrad: Nauka Publ.

Malakhova, A. M. (1974) “Poetika epistolyarnogo zhanra” [“Poetics of the Epistolary Genre”], in *V tvorcheskoi laboratorii Chekhova [In Chekhov’s Creative Laboratory]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 310–328.

Polotskaya, E. A. (2000) *O poetike Chekhova [On Chekhov’s Poetics]*. Moscow: Nasledie.

Udal'tsova Z. P. (ed.) (2004) *Perepiska A. P. Chekhova i O. L. Knipper: v 2 tomakh [Correspondence between A. P. Chekhov and O. L. Knipper: in 2 vols]* (2 vols). Moscow: Iskusstvo Publ.

Информация об авторах:

Алексей Алексеевич Гапоненков — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского». Адрес: Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Игорь Сергеевич Москвичев — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского». Адрес: Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Information about the authors:

Alexey A. Gaponenkov — DSc in Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature at the Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky. Address: 83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russian Federation.

Igor S. Moskvichev — Postgraduate Student at the Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky. Address: 83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russian Federation.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2026;
принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 20.08.2025;
approved after reviewing 01.03.2026;
accepted for publication 10.03.2026.